

использование в неуточненном контексте слова *перфекционист*: «Сегодня модницы – перфекционистки. Но я тоже перфекционист Мы говорим на одном языке...» – Майкл Корс – владелец собственной империи моды, хозяин и художественный директор люксового французского Дома Celine, бутик которого ... – в московском «Крокус Сити Молл» [L'OFFICIEL. Март. 2003].

Однако в большинстве рекламных текстов манипулирование потребителем происходит не всегда или оно ослабевает из-за перенасыщения манипулятивной лексикой и многократного ее повторения. В 85 случаях опрошенные заявляли, что «чем более убеждающе звучит рекламный текст, тем он менее правдоподобен», «чем больше в нем оценочной лексики, тем меньше ценности».

По нашим наблюдениям, игра слов – один из самых распространенных манипулятивных приемов при создании заголовков, слоганов и самих рекламных текстов. Как и все базовые художественные приемы, используемые в креативной рекламе, игра слов стоит на страже коммерческих интересов рекламодателя, поэтому, естественно, она включает в себя слово, обозначающее значимую рекламную единицу. Игра со значением представляет собой словесную шараду, разгадав которую, потребитель почувствует определенную гордость за свой интеллектуальный уровень, позволивший ему разгадать эту загадку.

В заключении можно сделать вывод о том, что реклама все больше превращается в манипулятивную модель, соблюдая правдоподобный характер изложения, она апеллирует к теме постоянного обновления, к теме красоты, здоровья, жизни, успеха, прозаической действительности, опираясь при этом на скрытый механизм императивного воздействия на потребителя. Именно благодаря «новой», навязчивой, вездесущей, иногда некорректной, не всегда соответствующей нормам морали и культурным традициям русскоязычного потребителя, но всегда манипулятивной рекламе меняется менталитет общества. Используя манипулятивную лексику, реклама становится правдоподобной и как раз лишает потребителя свободу выбора как особой личностной ценности, вынуждая покупать именно рекламируемый товар.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. – Днепропетровск: ДНУ, 2004.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – Изд. третье, испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999.
4. Лившиц Т. Н. Реклама в прагматическом аспекте. – Таганрог: Таганрогск. гос. пед. ин-т., 1999.
5. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2003
6. Мурашов А. А. О некоторых особенностях языка рекламы // Русский язык в школе. – 2004. – №4.
7. Полукаров В. Л, Головлева Е. Л, Добренькова Е. В. Рекламная коммуникация. – М.: «Палеотип»; ИТК «Дашков и К», 2002.
8. Тарасов Е. Ф. Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974.
9. Хэар Р. М. Дискрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
10. Seguela J. Le futur a de l'avenir. Editions Ramsay. – Paris, 1996.

Зубкова Л. Г.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЯЗЫКЕ КАК ПОСРЕДНИКЕ МЕЖДУ МИРОМ И ЧЕЛОВЕКОМ

Постижение сущности языка требует выявления принципов его организации и природы его элементов. Поскольку язык – это знаковая система, характеризующаяся определенной уровневой организацией, необходимо раскрыть природу языкового знака и определить свойства единиц различных уровней. Решением этих задач лингвистика занимается со времен своего возникновения. Тем не менее нельзя сказать, что они получили удовлетворительное разрешение. Поэтому все еще сохраняет актуальность положение Ф. де Соссюра, согласно которому «до сих пор в области языка довольствовались (и довольствуются! – Л. З.) операциями над единицами, как следует не определенными» [14, с. 143].

Это касается практически всех единиц языка. Ни одна из них не получила (а, может быть, и не может получить?) общепринятого однозначного определения. Так, приходится согласиться с Л. В. Щербой, что «понятие отдельного слова ... наряду с предложением является одним из самых спорных понятий в языковедении» [18, с. 326]. Но ведь это центральные понятия! Спорность (или, быть может, *неопределимость?*) понятия отдельного слова, а тем самым и природы словесного знака как элемента семиотического означивания (по Э. Бенвенисту), во многом коренится в «текучести значения» [11, с. 373], в неопределенности и динамичности означаемого, заложенных в первоначальной символичности слова, в способности его внутренней формы благодаря ее пустоте, когда смысл не дан, а только задан намеком, возбуждать самое разнообразное и неисчерпаемое содержание без конечной определенности [11, с. 180-182]. К тому же и «звуковая сторона слова, которая казалась всегда такой ясной, непреложной, которая представлялась определенным ядром более или менее расплывчатых семасиологических представлений, оказывается ... сама не менее расплывчатой и неопределенной» [16, с. 21].

То же относится к общим и частным категориям языка, даже таким, как части речи. Былые представления о достаточно определенной дифференциации частей речи на онтологическом и логическом основаниях существенно поколеблены тем, что, как оказалось, «они не только тесно примыкают одна к другой, но и в поражающей степени превращаемы реально одна в другую. <...> Часть речи вне налагаемых синтаксической формой ограничений есть как бы блуждающий огонек» [13, с. 116], и это справедливо не только в отношении так называемых неформальных языков, но и применительно к флективным языкам типа русского.

В этой связи возникает вопрос о причинах и сфере действия указанной неопределенности. Данная статья – попытка осветить его, опираясь на труды классиков.

Если некая неопределенность языковых единиц и категорий принадлежит к сущностным свойствам языка (а, по-видимому, это так), то в поисках ее причин следует исходить из триединства мира, человека и языка, из особенностей творческой познавательной деятельности человека в этом мире, из самой человеческой природы,

не забывая о том, что конечная цель языка (явления, бесспорно, общественного) – индивидуум [6, с. 397] и что каждый человек имеет свой, особый язык.

Несмотря на единство человеческой природы – в познании мира мыслящей (сознающей) и чувствующей одновременно, неопределенность в языке (как и межъязыковые различия) связывается в первую очередь с *чувственным* началом.

Уже древние полагали, что человек как познающий субъект, познавая изменчивый чувственный мир становления посредством изменчивого чувственного восприятия, получает ненадежное, темное знание (докса). Ненадежность чувственного познания усугубляется частым отсутствием одно-однозначного соответствия между именем и вещью ввиду произвольности языковых знаков. Это несоответствие представляется столь существенным, что Парменид приходит к заключению: «мир доксы всецело обусловлен человеческим языком, произвольно установленным множеством «имен» для одного сущего» [15, с. 463]. С осознанием значимости человеческого фактора в чувственном восприятии текучего и изменчивого сущего становится все более очевидным, что «хотя логос всеобщ, большинство живет так, как если бы они имели собственное понимание» (Гераклит, цит. по [3, с. 55]), что люди «в разное время воспринимают разное, смотря по разнице их состояний» (Протагор, цит. по [3, с. 119]), и «никто не вкладывает (в слова) тот же смысл, что и другой» (Горгий, цит. по [15, с. 130]).

В Новое время с утверждением эмпирико-сенсуалистической традиции все отчетливее осознается несовершенство языка как орудия познания ввиду неадекватного отражения в языке реальной действительности. Уже Ф. Бэкону было ясно, что отражение единого внешнего мира в человеческом восприятии зависит и от самой природы человека (призраки рода), и от свойств отдельных индивидов – темперамента, воспитания, образования и т. д. (призраки пещеры). В представлении Ф. Бэкона «все восприятия как чувства, так и ума относятся к человеку, а не к миру. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде» [1, с. 196].

Дж. Локк несовершенства языка как орудия познания связывает с несовершенством слов, обозначающих сложные идеи, с неопределенностью, изменчивостью их значений у разных людей и даже у одного и того же человека в разное время. Поскольку каждый вид предметов обладает множеством весьма разнообразных свойств и «никто не может знать их точного и определенного числа, различные люди выявляли их различным образом в зависимости от умения, внимания и образа действия каждого; поэтому они не могут не иметь различных идей одной и той же субстанции, и поэтому значение ее обычного названия не может не быть очень разнообразным и неопределенным» [9, с. 541]. Еще неопределеннее, по наблюдениям Дж. Локка и Т. Гоббса, слова из области морали, значение которых «по большей части очень широкое и неопределенное и, следовательно, неясное и путаное» [9, с. 539], и имена вещей, которые вызывают в нас известные эмоции. Такие имена «помимо значения, обусловленного природой представляемой при их помощи вещи, имеют еще значение, обусловленное природой, наклонностями и интересами говорящего», и потому «имеют в обиходной речи непостоянный смысл» [1, с. 326].

Развивая идеи сенсуалистов, В. фон Гумбольдт показывает, что неопределенность и неисчерпаемость для познания предметов внешнего и внутреннего мира, а значит, и мыслительного содержания обуславливают известную неопределенность и потенциальную неисчерпаемость языкового содержания. Это связано, в частности, со способностью представлять вещи с различных точек зрения и различными путями. Вследствие единства в языке объективного и субъективного «многосторонность предметов в сочетании со множественностью механизмов понимания делают число этих точек зрения неопределенным» [6, с. 378]. Таким образом, главное, что отличает обозначаемое, будь то конкретный физический или «внефизический» предмет, это его неопределенность. Учитывая, что язык как порождение и важнейшее проявление духа имеет *деятельностную* природу, связываемое со словом представление предмета как объекта познавательной деятельности «не должно быть всякий раз ни исчерпывающим, ни раз и навсегда данным, поскольку оно способно на все новые и новые преобразования» [5, с. 306]. Вот почему «никогда невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных признаков ... слова как определенную и завершенную величину» [6, с. 365]. Даже масса, казалось бы, оформившихся элементов языка не остается неизменной и «несет в себе живой росток бесконечной определенности» [5, с. 82], благодаря чему язык, опосредуя взаимопонимание, может также «служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей» [5, с. 165] в длинном ряду сменяющих друг друга поколений. Соответственно в определении А. А. Потебни, который, творчески развивая идеи В. Гумбольдта, исходит из признания за языком познавательной функции в качестве наиважнейшей, язык как деятельность, направленная к познанию человеком мира и самого себя, слагающая и постоянно развивающая мирозерцание и самосознание человека и тем самым меняющая отношение личности к природе [10, с. 113; 11, с. 171], представляет собой *систему знаков, способную к неопределенному, к безграничному расширению* [10, с. 134].

Иное объяснение развития языка, безотносительно к эволюции познавательной деятельности человека в мире, а исходя лишь из природы его элементов, предлагает Н. В. Крушевский. Он указывает на «две основные отличительные черты всех вообще языковых единиц: сложность и неопределенность» [8, с. 149], причем последнюю Н. В. Крушевский усматривает, в частности, в содержательной стороне значащих единиц языка. Она оказывается непостоянной, неопределенной, колеблющейся у разных носителей языка и в разное время. Громадное значение сложности и неопределенности языковых единиц Н. В. Крушевский видит в том, что «целое, состоящее из подобных единиц, должно быть неустойчиво и способно к изменению; развитие языка объясняется природой его элементов» [8, с. 104].

Как бы ни соотносились внешние и внутренние причины языковых изменений, *неопределенность языковых единиц и категорий несомненно задана самим характером языковой системы* и потому, вопреки мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ (впрочем, отнюдь не категоричному), неопределенность в языке не устраняется вовсе по мере развития [4, т. I, с. 263-264], но принимает все новые и новые формы. Принадлежность языка к *саморегулируемым* и стихийно *развивающимся* системам [5, с. 324] и неопределенность языковых

элементов – явления соотносительные, ибо язык – это «вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными» [5, с. 78], так чтобы удовлетворить потребность к самовыражению самых разнообразных индивидуальностей. Коль скоро конечная цель языка – индивид, неудивительно, что «жизни языка – как в головах отдельных людей, так и в языковом общении – свойственны постоянные колебания, качественная вариативность и количественная растяжимость» [4, т. II, с. 200]. Примером может служить описанное И. А. Бодуэном де Куртенэ варьирование живого ощущения психической ценности (значимости) фонетических явлений: «так как это ощущение, зависящее от индивидуальных свойств всех членов данного языкового сообщества, становится то слабее, то сильнее, то мы должны принять целую шкалу сомнительных и переходных состояний, напоминающих гаснущую лампу, пламя которой то угасает, то опять становится видимым» [4, т. I, с. 332]. И такие сомнительные переходные состояния свойственны не только фонетической стороне. Они присущи всему языку, и потому при морфологической классификации языков, предупреждает И. А. Бодуэн де Куртенэ, «мы должны помнить, что состояния языков, которые берутся в основу, вовсе не постоянные, не вечные, не неизменные, а лишь переходные» [4, т. I, с. 215].

Особенно важно то, что неопределенность затрагивает сущностные свойства языка. Так, хотя «сущность языка заключена в членораздельности» [6, с. 410], членение языкового целого страдает неопределенностью до такой степени, что Ф. де Соссюр приходит к заключению: «язык – это не просто совокупность заранее разграниченных знаков...; в действительности язык представляет собой расплывчатую массу, в которой только внимательность и привычка могут помочь нам различить составляющие ее элементы» [14, с. 136]. И далее: «функционирование языка пронизано бесчисленным множеством колебаний, приближительных и неполных разложений. Никогда никакой язык не обладал вполне фиксированной системой единиц» [14, с. 205].

Известная неопределенность отличает даже иерархическое «морфологическое» членение языкового целого, т. е. дифференциацию таких значащих единиц, как предложение, слово, морфема, и соответственно разграничение языка и речи в трех типологических языковых ареалах (по Г. Гийому).

Само число выделяемых уровней проблематично. Не говоря уже о морфонологическом и словообразовательном уровнях или уровне словосочетаний, даже уровню слов отказывали в самостоятельности ввиду их промежуточного положения в иерархическом членении [13, с. 49].

При анализе каждого данного уровня постоянно обнаруживаются единицы и категории с сомнительным языковым статусом.

Далеко не всегда удается отграничить инвариантные единицы от вариантов, и тогда, например, одни и те же лексические единицы квалифицируются то как омонимы, то как ЛСВ многозначного слова, а члены грамматических противоположений (типа видовых пар) рассматриваются то как разные слова, то как формы одного и того же слова.

В синтагматике границы между составляющими синтагму элементами могут существенно различаться по степени определенности. (Ср. воспроизводимые и производимые слова, по Н. В. Крушевскому, типы фразеологизмов, по В. В. Виноградову). Соответственно «в области синтагм нет резкой границы между фактом языка ... и фактом речи» [14, с. 157].

В парадигматике мы видим «постоянно обновляющуюся группировку по противопоставлениям и различиям» [4, т. II, с. 173], так что наличие того или иного противопоставления, его характер нередко представляются спорными. Нет ясности и в структурной организации парадигм (как словоизменительных, так и особенно словообразовательных). Сам порядок следования членов парадигмы Ф. де Соссюр считает неопределенным [14, с. 159].

В общем, в языке, по словам Л. В. Щербы, «ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными» [17, с. 3]. Именно необходимостью различать эти два типа случаев – определенные и неопределенные явления языка – можно объяснить различие центра и периферии, с одной стороны, и оперирование понятиями шкалы, градации (градусных отношений), степени (интенсивности) проявления тех или иных свойств – с другой.

Наиболее известные и, видимо, наиболее важные шкалы следующие.

- *Шкала лексичности/грамматичности языков*, отражающая характер грамматической категоризации [7, с. 168-173]. Ф. де Соссюр выделяет в ней «два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексических средств – немотивированных знаков, с другой стороны – предпочтение, оказываемое грамматическим средствам, а именно – правилам конструирования» [14, с. 165-166]. В представлении Э. Сепира это «скользящая шкала» распределения значений между двумя полюсами – материального и реляционного содержания [13, с. 106, 108].

- *Шкала морфемной членности слов*, характеризующая степень вычлененности морфем и, значит, степень ясности, определенности границ между ними [4, т. II, с. 232-234; 12, с. 214-216].

- *Шкала переходных случаев между полюсами переходности*, предложенная В. В. Бабайцевой, – проработанная именно применительно к явлениям неопределенности в морфологии и синтаксисе и приложимая к анализу не только синхронии, но и диахронии в их взаимосвязи [2].

Полное описание конкретного языка в его живом функционировании должно, не ограничиваясь анализом ясных крайних (типичных) случаев, раскрывать явления неопределенности, переходности, синкретизма на всех уровнях языковой системы.

Литература

1. Антология мировой философии: В 4-х т. Т. 2. – М., 1970.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.
3. Богомолов А. С. Античная философия. – М., 1985.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I-II. – М., 1963.

5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
7. Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М., 1999/2003.
8. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. – М., 1998.
9. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. – М., 1985.
10. Потебня А. А. История русского языка // Потебнянский читанья. – К., 1981.
11. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
12. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
15. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
17. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958.
18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Иваненко Г. С.

СМЫСЛ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНФЛИКТА¹

Разграничение категорий «значение» и «смысл» оказывается практически значимым при судебном разрешении информационного конфликта в лингвистической экспертизе. Что должен выявлять лингвист? Какие факторы при этом учитывать? Значение, смысл, суждение, сообщение, высказывание.

К судебному разрешению информационного конфликта, как правило связанного с умалением чести, достоинства, деловой репутации, в целях объективации судопроизводства привлекается лингвист.

Материалом анализа в ходе лингвистической экспертизы является конфликтный текст, содержащий какую-либо информацию об истце. В судебном разбирательстве нередко недифференцированно используются для обозначения объекта исследования понятия **высказывание, сообщение, суждение, информация**. Определим эти понятия.

Высказывание в лингвистике – наименьшая единица речи, семантически и грамматически целостная, самостоятельная и законченная. В современной лингвистике высказывание, в отличие от предложения – структурно-семантической категории, понимается как категория коммуникативная, отражающая прагматическую направленность речевого акта. В интересующем же нас контексте синонимами можно считать понятия **фраза, выражение**. Однако для юрислингвистического исследования целостность, самостоятельность и законченность этих языковых единиц весьма относительны. В некоторых случаях объектом исследования может быть и отдельное высказывание, так, обычно этого материала бывает вполне достаточно при разрешении вопроса об оскорблении, которое, как правило, выражается даже меньшей языковой единицей – словом или фразеологизмом. Для выявления же порочащих сведений одного предложения (фразы, выражения, высказывания) бывает обычно недостаточно. Вне более широкого контекста нельзя однозначно ответить ни на один из принципиально важных вопросов: 1) относится ли высказывание к истцу? 2) какой конкретно смысл оно выражает во взаимодействии с другими высказываниями? 3) сообщение это о событии или мнение автора, оценка?

Так, предложение «*В этот день он капитально принял на грудь*» означает лишь, что истец принял алкоголь и был пьян. В контексте же статьи это высказывание приобретает более глубокий смысл, именуемый для истца гораздо более значимые последствия. В тексте сообщается, что истец – вице-губернатор, и в описанный день должен был встречать президента, но по обозначенной причине не смог этого сделать, и его функции выполнял другой человек. Очевидно, что такие сведения представляют истца как человека, пренебрегающего своими служебными обязанностями, не справляющегося с требованиями, предъявляемыми к столь высокой должности. Приведенный пример доказывает, что лингвисту-эксперту для анализа должно предоставляться не отдельное высказывание (предложение, фраза, выражение), а весь конфликтный текст.

Комплекс **высказываний** формирует **информацию**, или **сведения**. Общеязыковое значение слова «информация»: 1) сообщение о чем-либо; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи.

Анализ и синтез всех лингвистических элементов текста позволяет определить сущность воспринятой реципиентами информации. Событийная информация представляет собой **сообщение**. Информация же из разряда мнений и оценок является **суждением**. Результатом лингвистического анализа является выявленный **смысл** текста. Конечно, не все аспекты смысла, а только имеющие отношение к судебному разбирательству.

Таким образом, понятия **высказывание, фраза, выражение** соотносятся с понятиями **информация, сообщение, суждение, смысл, значение** как общеметодологические сущности формы и содержания. Первые являются средством выражения вторых. Первые являются материалом анализа, вторые – его результатом.

В свою очередь **сообщение** и **суждение** противопоставлены как реализации диаметрально противоположных в процессах о защите чести, достоинства и деловой репутации категорий событийности и оценочности. Мнения, оценки, выраженные в определенных **суждениях**, не подлежат проверке в силу своей субъективности и потому априори не могут быть признаны порочащими. Событийная информация (фактуальная) выражена **сообщениями** о конкретных поступках лица, осуществленных в определенном месте в определенное время, может быть проверена на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признана порочащей.

Понятия **смысл** и **значение** противостоят всем остальным рассматриваемым понятиям как надязыковые сущности языковым. Значение, по А. Н. Леонтьеву [2], – это то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Личностный смысл – это переживание субъективной